

МИСТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ВИКТОРИЯ ЧУЙКОВА

**ЧЕМ НИЖЕ СОЛНЦЕ
ТЕМ ВЫШЕ ТЕНИ**

исповедь убийцы

Виктория Чуйкова

**Чем ниже солнце, тем
выше тени. Исповедь убийцы**

«Издательские решения»

Чуйкова В.

Чем ниже солнце, тем выше тени. Исповедь убийцы /
В. Чуйкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836520-1

Вы думаете, я хотела стать тем, кто, а вернее сказать, ЧТО я есть? Нет,
даже не мечтала. Пока не встретила его и не попала во власть его ледяных,
бездрушных глаз...

ISBN 978-5-44-836520-1

© Чуйкова В.
© Издательские решения

Содержание

Рассказать то, что так тщательно скрываешь всю жизнь, открыться, поделиться – ИСПОВЕДАТЬСЯ!	6
ЗАЧЕМ	6
КАК	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Чем ниже солнце, тем выше тени Исповедь убийцы

Виктория Чуйкова

© Виктория Чуйкова, 2023

ISBN 978-5-4483-6520-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказать то, что так тщательно скрываешь всю жизнь, открыться, поделиться – ИСПОВЕДАТЬСЯ!

ЗАЧЕМ

*«Раз, два, три, четыре, пять
Будем в прятки мы играть.
Небо, звезды, луг, цветы...»*

Не люблю дожди. Нет, это мягко сказано. Дожди я просто терпеть не могу. Даже если льет за окном, а я в теплой квартире, у камина, пью горячий чай и кутаюсь в одеяло – НЕНАВИЖУ! Однако сегодня я надеваю яркое платье, эфирное и откровенное, набрасываю сверху плащ, прозрачный, с легким голубым оттенком, с большим капюшоном. Плащ закроет меня от льющейся с небес воды, но не спрячет фигуру, облаченную в яркое одеяние.

У самой двери я оцениваю свой вид в зеркало, наношу последний штрих – сочно-красную помаду, взъерошиваю волосы, чтобы прическа не выбивалась из моего сегодняшнего облика классическим консерватизмом, глубоко натягиваю капюшон и, прихватив с собою зонт-трость, выхожу за порог.

Все мое существо, каждая моя клеточка не переносит слякоть, но только так я смогу найти его.

Вечереет. Сегодня не будет яркого заката, окрашивающего небосвод, дома, окна... Как и уличное освещение не сможет отогнать мрак из-за падающей влаги с хляби небесной. Улицы рано опустеют, одинокие путники спешно разбегутся по своим обиталищам. Даже бездомные будут искать сухой уголок, чтобы укрыться от противной мокроты.

Терпеть не могу дождь, от этого неудержимо повторяюсь в мыслях и словах.

Под подъездным навесом я замечаю как фонари, не разогревшись, ленно бросают свет на мостовую, размыто копируясь в лужах, но не отгоняют мглу. Моторошно. Вот сидеть бы мне дома, так нет же, спешу покинуть свой район, тихий и привычный, где знаю каждого второго в лицо, где даже собаки обходят меня стороной, не попрошайничая и не оскаливаясь. Вдыхаю и направляюсь в центр ночной жизни, где гремит музыка, где неоновые витрины слепят глаза, где кучками молодежь, распивая непонятного происхождения напитки, гогочет над плоскими шутками, где на скамейках трутся парочки, где есть темные закоулки, в которых стынет душа...

Дождь уже не льет, барабана по крышам и навесам, он мерзко моросит.

Освещенные мостовые остались за спиной.

Я, посев отскочить назад, чертыхаюсь вдогонку пронесшемуся мимо авто, фонтан брызг грохнулся у моих ног, зацепив носки туфель. Не успев оторвать взгляд от насмешливо моргающих фар, я делаю шаг вперед, и зонтик ударяется о бордюр, звенит наконечник и я, дергая руку вверх, кручу головой, надеясь, что никто не услышал. Никого! Это отвлекает мое внимание, и моя нога ступает в глубокую лужу, деваться некуда, становлюсь второй, и сердце щемит – мои туфли, от Карла Пазолини, намокают, кожа, тут же втягивая влагу, начинает чвякать. Мои туфли! Ах, как бы сегодня к месту были простые резиновые сапожки. Как бы мне в них было тепло и сухо. Как бы радовались мои ножки. Но именно в туфлях, в коротком, нескромном платье, у меня есть надежда, что он не пройдет мимо. Ему нужны незащищенные и в тоже время дорогие, словно случайно попавшие в непогоду. Да, не по погоде обута.... Опять же – любимые туфли... Тем не менее, именно так у меня есть надежда, что он не узнает меня.

ОН. Он всегда там, где много народа и есть укромный уголок. Он там, где играет музыка прошлых веков, где чистые голоса передают простые слова, а мелодии не гипнотизируют тебя однообразным ритмом. Он там, где обязательно прозвучит танго. Он прекрасно танцует, он легко двигается, он ослепляет улыбкой, он завораживает взглядом. А ты..., ты не в силах ему отказать.

Не многим удалось уйти от него после танго. Мне посчастливилось. Хотя, возможно, он просто решил поиграть. Вот сегодня я и спрошу его об этом.

«Утомленное солнце, нежно с морем прощалось...» – пел Утесов, поскрипывала заезженная пластинка, перенесенная на диск, создавая атмосферу давно прошедших лет.

И особняк, за высоким забором из железных прутьев, с толстыми колонами у ворот, в оны годы дворянская дача, прятался за мокрыми деревьями, маяча тусклой лампочкой у входа и льющим светом из больших окон, свидетельствуя, что ресторан, разместившийся здесь, еще открыт.

Справа и слева грохочет современная музыка, яркие витрины разбрасывают режущий глаза ионовый свет, но я не спешу к ним, я медленно иду вперед, где белые, тканевые зонтики, над одинокими столиками, поникли от дождя. Где, скорее всего, внутри будет душно и накурено. В тот ресторан, с пожелтевшими фото, гамаками меж старых деревьев, диванами и стульями, покрытыми льняными чехлами.

На радость тут не многолюдно. Я, ответно улыбнувшись, молодому парнишке в длинном, белом фартуке, следую к дальнему столику на двоих, быстро вешаю на крючок вешалки-треноги зонт и закрываю его своим плащом. Приветственный чай уже дымит на моем столе и я, налив его в чашку, грею руки, не снимая тонких, шелковых перчаток, украдкой поглядывая по сторонам.

Смеются, кокетничают, держаться за ручки...

«Мне немного взгрустнулось, без тоски, без печали...»

Внутри все сжалось. Ком подступил к горлу, пальцы предательски трясутся, но вместе с тем, я радуюсь. Пролетевшая мимо стынь, покрыла мою спину мурашками, подсказав – наконец-то ОН рядом.

Я не успела протереть забрызганные грязью туфли влажной салфеткой, это ли не причина покинуть зал? Выпрямляюсь и следую в дамскую комнату. Две симметричные родинки на моем запястье заныли и посинели. Теперь бы любой заметил, что это не родинки, а крохотные шрамы. В глубине груди, между ребер, сердце сжалось и не решается исполнять свой привычный ритм. Еще глубже, где предположительно прячется душа, все застыло, замерло, затихло...

ОН здесь! Я нашла его, я дождалась. Я получу ответы. Ах, как же ломит руку. За мной наблюдают. Я чувствую это спиной. Открываю дверь, вхожу внутрь дамской комнаты. Тут полумрак, отлично. Стащив перчатки, долго держу руки под струей холодной воды, смотрю на себя в зеркало и ищу равновесие. Я никак не ожидала, что возникнет такое беспокойство. Смачиваю лицо водой и приступаю к обуви. Забрызгалась! Ах, нет, это же тот лихач, окатил меня. Мысли непреднамеренно убегают в прошлое, а я, автоматически приведя себя в порядок, спрятав руки в перчатки, проделываю путь обратно, к столику, уже полностью возродив картинку давно минувших лет собственной жизни.

Снова холод пробежал мимо, только теперь я готова к нему, я, как никогда, настроена к исполнению своей мечты.

Отбрасываю воспоминания, делаю глоток подостывшего чая. Ставя чашку, поглядываю по сторонам и, вздохматив прическу, беру меню...

КАК

Субботний день освежился пролетевшей майской грозой, разогнавшей людей в укрытие. Дождь был сильным, с огромными пузырями, покрывающими лужи, и коротким. Еще слышны отдаляющиеся раскаты, еще не прояснилось небо, достаточно плотные тучи скрывают солнце, а оркестр продолжает играть. Подруги смеются, шуткам новых знакомых, а я кручу головой, мне постоянно кажется, что на меня кто-то глазеет. Оглядываюсь в который раз, но никого не нахожу. Заиграл вальс и первые смелые пары, пренебрегая мокроту каменной мостовой городского сада, уже кружатся в танце. Потихоньку разгораются фонари. Замечаю, как высокий мужчина, в военной форме, следует к нам, заставляя пары отступить, давая ему дорогу.

– Юрий! – представляется он, ударяя каблуками хромовых сапог, отдавая честь, легко касаясь сверкающей кокарде на козырьке.

Мой взгляд падает на его пагон – три звездочки, на золотистом фоне, красная окантовка и гербовая пуговка.

– Лейтенант. – вырывается у меня и я спешу исправиться: – старший.

А он, чуть-чуть, лишь краешком губ, улыгнувшись, протягивает руку, приглашая следовать за ним.

– Нас не представили, – говорю я: – однако, я подарю Вам танец.

Мы плавно скользим по кругу, он едва касается пальцами моей талии, моя рука, в белой атласной перчатке, застыла над его ладонью, но не легла на нее, будто бы между ними есть препятствие, твердая тактичность, вживленная в меня с молоком матери. И, не смотря на это, я чувствую его. Проникаюсь к нему интересом, прикрыв глаза, вдыхаю его запах, но ничего не распознаю, кроме... свежести и... прохлады, исходящее от его тела.

– Разрешите Вас проводить домой. – подводя меня к подругам, запрокинув одну руку назад, он, склонив голову, даже не смотрит мне в глаза.

– Спасибо, – отвечаю я: – не стоит

– Ах, какой эндимион! – перебивает меня подруга Муся, и я облегченно вздыхаю, кокетливая напористость подружки не оставляет мужчин равнодушными, они мгновенно падают перед ней ниц. – Только Вы, голубчик, глубоко не воспитаны. Увели нашу Капу, даже не представившись!

– Покорно прошу извинить. Юрьев Юрий Юрьевич! – и опять военные, вышколенные манеры.

– Как мило! – захлопав в ладоши, верещит Муся, остальные ей вторят. – Вы Ю в кубе....

Они долго болтают, облегчая мою участь, а я сама не понимая, двоюсь, нет, множусь в нахлынувших чувствах. Он невообразимо красив и галантен, у него такая выправка и.... Так что же это со мной? Почему мне хочется бежать от него, сломя голову, как можно быстрее и дальше?

Прошел месяц. Жаркий и яркий май канул. Я больше не видела Его, как и ничего о нем не слышала. Нет, это не так, я ежедневно выслушивала укоры от Муси и Нюси, что была отвратительно недоброй и прогнала единственного мужчину на земле. Я переживу их стенания. Завтра мы все переедем на дачу, и там появятся новые поклонники, притягивающие все внимание моих подруг. Тут же о нем все забудут. И тут я вдруг признаюсь себе, что и сама, нет-нет, а возвращаюсь мыслями к малознакомому субъекту одного танца. Вот только чувства у нас с подругой глубоко отличаются, я не испытываю к нему притяжения, а скорее всего наоборот, хочется спрятаться. И здесь же ловлю себя на том, что совершенно не помню ни лица его, ни глаз. Только рост, ширину плеч и, пожалуй, силу, несмотря на тонкость его кости. Ну, не рассмотрела и бог с ним! Завтра все унесется в прошлое, мы едем в деревню.

Лето радовало погодой. Солнце разбросало свое золото на бездонное лоно нивы, простирающейся сразу за окном моей светелки. Мы приехали поздно и, выпив чаю, я уснула, измученная дорогой.

Прокричал петух, отозвались птицы, рассекающие небосвод, я улыбнулась новому дню и снова провалилась в сон. Окончательно проснулась от радостного смеха подруг. Они собрались в беседке, чуть поодаль моего окна. Я собиралась не долго, уж очень хотелось чаю, а еще, так сладостно пахло свежим хлебом. Выбежав на крылечко, прежде чем свернуть за угол, мое сердце заколотилось, мне показалось, что по краю поля, на вороном коне, проскакал Он. Присмотрелась и, отругав себя, вздохнула с облегчением, побежала завтракать. Это же надо, вспомнила!

Хорошее лето, прекрасный отдых, теплая вода в реке, вкуснейшая земляника в лесу.... Люблю деревню, можно не отвлекаться от дум, а еще читать, читать, читать...

«Расстаемся, я не стану злиться»...

Едва тронув салат, заказанный мной опрометчиво, я осознаю, что не голодна. Ужасно пересыхает в горле, вино не спасает. Я понимаю это состояние – меня изучают, внимательно, в деталях, скрываясь в затемненных уголках рестораника. Не отодвигая тарелку, я делаю вид, что еще продолжу трапезу, беру бокал с легким, десертным вином, пригубляю в энный раз. Не выпуская бокал из рук, бросаю взгляд на присутствующих, полный любопытства, однако ни на ком, серьезно не останавливаясь. Им нет до меня дела, мне до них. Всего один посетитель меня волнует, но его-то я и не вижу, а он здесь, я-то это знаю, да и шрамы свидетельствуют об этом.

– Простите! – мягкий, бархатный голос раздается у меня над ухом. Это происходит так неожиданно, что моя рука дрогнула, вино в бокале заколыхалось, я спешно ставлю его на стол, но не тороплюсь поднять голову. – Простите... – повторяется Он: – если я Вас испугал, ненароком. – Ему бы выйти к свету, а он продолжает стоять чуть сбоку, хорошо, что с правой стороны, иначе он бы сразу услышал, как заколотилось мое сердце. Я не боюсь его, это адреналин заставляет сердечные мышцы дергаться, это эйфория, от того, что я нашла его. Слава богу, он пока об этом не догадывается. – Возможно я не вовремя, или покажусь не тактичным. – я ухмыльнулась и слегка повернула голову. – Красивая, одинокая... – я молчу. – Возможно, Вы ждете...

– Нет, я никого не жду. – говорю тихо, не выказывая никаких эмоций. – Дождь, намочла... Я оставляю фразу недосказанной, мне хочется действий от него...

Вечер пятницы. И почему я дала подругам себя уговорить пойти в гости на этот деревенский бал, да еще пешком. Подруги, все до одной, обзавелись кавалерами, возможно, они надеялись на встречу и увлекательную прогулку. Но я, я-то, что тут делаю? Мало того, что мне это все не интересно, что стерла ноги по ухабам, и кажется, повредила свои любимые, атласные туфельки, так еще и намочла до нитки. Хорошо еще, что дождь пошел, когда мы достигли ворот имения, где устраивали бал. Пробежав парадное, мы, смеясь и снимая мокрые шляпки, направились в отведенную нам комнату. Щеки у меня пылали, видно мужчин собралось много и они, скрываясь, разглядывают нас, расписывая кто с кем, когда и что будет танцевать.

Ах, пусть! Ко мне вряд ли кто запишется, всем давно известно, что я не вальсирую.

Вечер был не плохим. Как мне не хотелось домой, но покидать хозяев я не торопилась, дождик дважды еще обрушивался, барабаны по крыше и окнам. Танцующих становилось все меньше, зала пустела. Все толпились по углам или у стола, закусывая, выпивали. Подруги мило кокетничали с новыми и уже старыми кавалерами. И тут, где-то в середине дома, я услышала громкий, достаточно дерзкий, моему уху, смех. Он мне показался настолько знакомым, отчего я съезжилась. Не успев прийти в себя, увидела этого, не милого моему сердцу, Ю. Он так щедро улыбался, смотря в меня своими, совсем бесцветными глазами, похожими на застывшие капли дождя, что я онемела. И снова, ничего не смогла разглядеть, кроме его глаз – прекрасных, притягательных и ужасающе холодных, точно сосульки в морозную ночь.

Однако голос, его бархатный, гипнотизирующий голос, мало-помалу привел меня в чувства и...

Сама не знаю как, но мы кружимся по залу. Я даже не помню, в который круг он уносил меня, лихо выплясывая Кадриль, Мазурку. Кажется перед ними была Полька и даже Вальс. А затем все пропало. Покрылось мраком, исчезло.

Я очнулась от холода и колючего покрывала на моем теле. Пахло сыростью, прелью и еще чем-то непривычно зловонным. С трудом открыв глаза, я встретила с белым потолком. Нет, белым он уже давно не был, его сплошь покрывали ржавые пятна. Болело все тело, но больше всех ныла рука. Все мои движения были чем-то ограничены, вскорости я поняла, что это широкие кожаные ремни. Проведя по пересохшим губам языком, не меньше жаждущего влаги, я застонала. Затем еще и еще, все громче и громче, пытаюсь подняться, дергая головой. Мой взгляд ловил только грязные, посеревшие стены и маленькое, узенькое окошко, совсем под потолком.

– Ну-с, как у нас дела-с? – возник передо мною мужчина. На его широком, напоминающем картошку носу покачивалось пенсне. Мне хотелось накричать на него, даже выругаться. Я уже собралась позвать маменьку, как он продолжил, выделяя и протягивая «с», где только можно: – Испугались, милая барышня! Значит, идем-с на opravку-с!...

Меня не выписали, даже посетителей ко мне пускали редко. Правда, я уже на следующее утро, изучив свою комнату до сантиметра, могла передвигаться по серому, невеселому зданию, в пределах нескольких комнат: столовой, холла, где толкались все больные. Прохаживалась мимо приемной по узкому, нескончаемому коридору. В общем, мне позволено было «гулять» по тюрьме, именуемой – ЛЕЧЕБНИЦОЙ. Серый, убогий дом «Скорби». Что тут лечили и чем, тогда меня не волновало. Я даже не реагировала на крики, стоны и шепот вокруг меня. Я, помня себя, зная всю свою жизнь, не ориентировалась лишь в теперешних датах, не могла вспомнить, как попала сюда, что предшествовало этому. Приходил папенька, не смог со мной говорить. По отцовский, поцеловал меня в лоб, проронив слезу, быстро удалился, лишь спросив, что мне передать. На мои мольбы забрать домой, тяжело вздыхал и отмалчивался. Затем пришла матушка, принесла книги, вещи и постельное белье. Я спряталась ото всех в своей конуре, сидела на кровати, пялясь в книгу и стараясь вытянуть из глубины своей черепахи пролетевшие дни и заполнить угнетающий меня пробел. Ничего не выходило. Даже беседы с моим врачом не давали пользы, не сдвигали дело, пока он не решился на крайнюю меру и не ввел меня в гипнотический сон.

И снова я проснулась от боли, поразившей все мои члены, от сухости во рту. Опять встретила с потолком, а в нос ударил запах цвели. Все повторялось – стон, потуги освободиться из пут, ломота во всем теле и жуужжащее мухой «С». Только на этот раз я помнила намного больше. Всплыли и не покидали меня холодные, ледяные глаза, пронизывающие меня насквозь, хотя я и не знала, кому они принадлежат.

Все по кругу – отец с вздохами и скупой слезой, матушка с причитаниями и молитвами. Медсестры, в длинных платьях, белых фартуках и покрытыми чепцами головами, безучастно снующие мимо. Врач с пенсне и своим противным «С».

Шли дни, проходили недели. Я все больше и больше возвращала себе память, но упорно твердила, что ничего не помню, прекрасно осознавая, что правда никому не нужна, что именно она меня здесь держит. Да, я вспомнила много, кроме некоторых вещей: как зовут обладателя ледяных глаз, что он сделал со мной, отчего я оказалась здесь? В том, что это произошло из-за него, у меня сомнения не возникло. И главное – что на моей руке, под повязкой, которую часто меняют, ибо просачивается кровь?

Эти вопросы меня волновали больше всего на свете, сильнее чем то, когда я выйду на свободу, да и что творится за стенами моей лечебницы, по всему напоминающему темницу, каземат.

Очередной сеанс глубокого лечения, к которому тяготился мой врач, закончился тем же эффектом – я была одна в своей палате, правда, уже не связанная. Придя в себя, я не успела даже застонать, как уловила крики и топот множества ног за своей дверью, а еще, хлопки. Они раздавались там, за толстыми стенами, проникали ко мне в малюсенькое оконце, с воли. Я села и в этот момент стены задрожали, открылась дверь, сестра только глянула на меня, махнув рукой, тут же унеслась. Не дождавшись врача, я поплелась к двери. Больные заполнили коридоры и тынялись как неприкаянные. Потолкавшись с ними, не обнаружив ни сестер, ни санитаров, я пробралась к выходу, он был открыт. Выходить в том виде, в каком я была, в одной ночной сорочке, я не могла. Быстро вернувшись к себе в палату, надела то единственное платье, что висело на вешалке. Затем прихватила кое-что из собственных вещей, принесенных матушкой, снова выскользнула в коридор. Никто меня не трогал. Направляясь к выходу, я заметила, что дверь в кабинет доктора приоткрыта. Осторожно, оглядываясь, я бросилась к большому шкафу с ящичками. Покопавшись в нем, нашла бумаги с моим именем, сунула за лиф платья и побежала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.